

Денис
Драгунский

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

Книга напрасных удач
и радостных разочарований

Денис Драгунский

Каменное сердце (сборник)

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

Драгунский Д. В.

Каменное сердце (сборник) / Д. В. Драгунский — «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-100606-8

В новой книге «Каменное сердце» читатель найдет не только лаконичные новеллы, написанные в привычном стиле Дениса Драгунского, когда на двух-трех страницах умещается целый роман с необычными судьбами и головокружительными поворотами сюжета. Здесь есть и рассказы более пространные, объемные, подробные, но такие же динамичные, неожиданные и точные.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-100606-8

© Драгунский Д. В., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Всё пространство	6
Третье октября	7
Строгий мужчина	9
Если честно	11
27 сентября 2014 года	13
Не математик	14
Послесловие	16
Париж	17
По морозу босиком	19
Отступление и доказательство	21
Из набросков к роману «Сестры Безобразовы»	22
Конфеты Достоевского	23
О наших и ваших слезинках	25
Вся правда о войне и мире	27
Мыслепреступление	28
Грустные мысли грустного человека	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Денис Драгунский

Каменное сердце (сборник)

© Драгунский Д. В.

© ООО «Издательство АСТ»

Всё пространство

куда стрелять?

Про любовь, про любовь, только про любовь.

Почему так?

Почему не про политику, про историю или про какую-нибудь «просто жизнь» с работой и зарплатой? Про интриги и приключения? Или что-нибудь фантазийное, про рыцаря Добра, который отрубает голову дракону Зла?

А вот почему.

Однажды Аполлон вызвал Зевса на состязание в стрельбе из лука.

Кинули жребий; Аполлону выпало стрелять первым.

Его стрела долетела почти до края земли.

Все боги закричали: «Вот это да!»

Тогда встал Зевс *изанял собой все пространство*.

И сказал: «Куда стрелять? Не осталось места».

Любовь – как этот самый Зевс.

Она занимает собой все пространство.

Весь мир, с политикой, историей, с «просто жизнью», работой, зарплатой, интригами и приключениями, а также с рыцарями Добра и драконами Зла – всё это дети, которые сидят у нее «на ручках».

Помните, такая игра была, для самых маленьких, полугодовых, когда мама подбрасывает малыша на коленках, а потом как будто роняет его и подхватывает снова:

По кочкам, по кочкам,
По узеньким дорожкам —
Бух! В яму провалились!

Вот и вся политика, история, просто жизнь и т.п.

Игра любви.

Или ее прискорбное отсутствие. Ощущение этого отсутствия – тоже любовь, тоска по любви.

Третье октября

ТЫ ПОМНИШЬ ЭТОТ ДЕНЬ?

Утром третьего октября Татьяне Сергеевне пришла эсэмэска с незнакомого номера: «Наш серебряный юбилей! Целую, люблю всегда». Ерунда какая-то. Тем более без обращения. Непонятно – кому. Но все равно приятно. Хотя при чем тут серебряный юбилей? Татьяне Сергеевне было сорок три, замуж она в первый раз вышла в двадцать, это был полный мрак, хотя любви выше макушки, но – кофе без закуски, курево до синевы, стихи до полуночи – и всё. Развелась через полтора года, как из горящего сарая выскочила в последний миг. А потом вышла замуж в тридцать два... так что бред какой-то, выбросить из головы!

Для верности она помотала головой и вышла из спальни. Муж в ванной весело принимал душ, громко фыркая и напевая, и ей вдруг показалось это пошлым, плебейским и даже хамским. Она зашла на кухню и посмотрела на календарь.

Третье октября. Боже!

Третьего октября, на первом курсе, у нее первый раз было – с одним мальчиком, у них была любовь с восьмого класса, но как-то не получалось. Не то чтобы она боялась или он робел – нет. Но вот не получалось, и всё. А третьего октября получилось. Ночью, в какой-то беседке, заброшенном пионерлагере. Тогда студенты еще ездили на картошку, вот и их первый курс повезли, и этот мальчик тут же. *Потому что он в тот же самый институт поступил из-за нее, чтоб быть всегда с ней*, – так он ей сказал в ходе уговоров. Соврал, конечно. Поступил он потому, что его папа был проректор. И еще спросил: «А у тебя, ну, это, когда?» – она сказала: «Вчера кончилось», и он обрадовался. Хитренький.

Поэтому он ей разонравился, хотя у них еще было довольно долго, до третьего курса, когда она вдруг вышла замуж за того непризнанного гения, который уже спился и умер, кажется.

Она выглянула в окно. Дворник подметал желтые листья. Какой-то тип сидел на лавочке и ел яблоко.

Она вспомнила, что к кофе нет сливок. Натянула свитер на голое тело, прыгнула в джинсы, накинула куртку и вышла – магазин был прямо в доме.

Подошла к стене, поставила айфон на выступ стены, как будто это телефон-автомат, набрала реплай на эсэмэску.

– Как хорошо, что ты позвонила! – Голос был какой-то двойной, в телефоне и как будто рядом. Она обернулась. Этот тип на лавочке – это был он.

Она помахала ему рукой, шагнула к нему.

– Не подходи ко мне, – сказал он в телефон. – А то я сейчас накинусь на тебя и прямо вот тут, на газоне...

У нее в животе, в груди, ногах стало мягко и тепло.

– Какой ты... – сказала она

– Я тебя люблю, – сказал он. – А хочешь, я разведусь? Только скажи «да»!

– Какой ты хитренький, – сказала она, и всё у нее снова стало жёстко и холодно.

Поднимаясь в лифте с пакетиком сливок, Татьяна Сергеевна вспомнила, что со своим мужем она, вот ведь черт, впервые сошлась тоже третьего октября. В номере отеля *“Hyatt”* в Берлине. На конференции по социальной ответственности бизнеса.

Муж сидел в кухне, водил пальцем по айпаду.

– Сегодня третье октября, – сказала она. – Дай я тебя поцелую.

– Ты помнишь этот день? – растроганно спросил он. Он сидел на табурете, она обняла его голову, он прижался лицом к ее животу.

– А как же, – сказала она.

– Какой был жуткий день! – сказал он.

– Почему жуткий? – изумилась она.

Он стал рассказывать про оппонентов и рецензентов. Он имел в виду защиту своей докторской диссертации.

Она поцеловала его в макушку, выглянула в окно.

На лавочке уже никого не было.

Строгий мужчина

жизнь отдать и взять назад

Марина Никитина ушла от Сережи Высковицкого; фамилию она не меняла – *онне настаивал*. Он даже намекнул, что принадлежность к старинному и великому роду Высковицких надо еще заслужить. Марина чуточку обиделась – дело было в ЗАГСе, когда заявление подавали. Потом посмеялась и забыла. Но вообще они хорошо жили. Три года прожили. У него была завидная работа и еще какие-то деньги сверх немаленькой зарплаты. Он ей каждые две недели выдавал сумму, как он выражался, эквивалентную семистам пятидесяти долларам. «Это на всё, – сказал он в самый первый раз, – на еду, квартплату, уборку и лично тебе на что хочешь. Но запомни: вот столько – и всё». Трехкомнатная квартира, машина, сам красивый, спортивный, воспитанный, немногословный. Секс на пять с плюсом. Детей, правда, не завели. Марина один раз спросила, почему он так делает, чтоб детей не было, а он ответил: «Со временем мы вернемся к этому разговору».

Все это как-то в один раз случилось. Вообще Сережа был строгий. Говорил: «Завтра к шести оденешься на выход». Марина первый раз спросила: «А куда мы собрались, к кому?» А он повернется и выйдет из комнаты. Назавтра она вся одетая сидит у себя, он войдет, оглядит ее сверху донизу, скажет без улыбки: «Красивая у меня жена, и одеться умеет. Встали, пошли». Внизу машина или такси, если он планировал выпить. Ну, а в гостях всё весело, все ей ручку целуют. Гости всегда были очень престижные. Так что она потом не спрашивала, куда.

Вот.

А в этот раз она закопалась. Подруга Лиля ей позвонила, она проболтала с ней полчаса лишних, и, когда он вошел, она еще была без чулок и с недосушенной головой. Он поглядел и сказал: «Шесть часов и одна минута». Она сказала: «Прости, с Лилькой заболталась, я сейчас, быстро». – «Пять минут хватит?» – «Ой, что ты! Пятнадцать, ничего? А лучше полчаса, если можно. Извини!»

Он повернулся и вышел. Она услышала, как хлопнула дверь. Посмотрела в окно: он садится в такси.

Но она всё-таки не хотела ссориться. Переделалась в домашнее. Дождалась его. Вышла в прихожую, улыбнулась: «Ну, расскажи, где ты был!» А он посмотрел мимо нее и ответил: «Там, где тебя не было». Повесил плащ, снял туфли, вставил в них распорки и прошел в свою комнату.

Слава богу, это была среда.

Марина всю ночь собирала чемодан и думала, как это она, умная современная женщина, дочь директора школы и преподавательницы вуза, внучка военного хирурга, сама – кандидат технических наук по специальности «газотурбинные установки», – как она смогла отдалиться в рабство этому холодному, надутому, жестокому человеку? Бросить работу, жизнь отдать магазинам, готовке, уборке, свежим рубашкам, отглаженным платкам, отполированным штиблетам? Почему? Зачем? Ах, да. *Настоящий мужчина*. Красивый – этакой скандинавской суровой красотой. Строгий, молчаливый. Властный и сильный в постели. Они спали в разных комнатах. Когда ему хотелось, он часов в двенадцать ночи, а по выходным, бывало, и с утра – звонил ей по мобильнику. Два слова: «Я жду». Секс был отличный, но еще главное секса – сладкое

обмирание в груди и во всем теле, когда она слышала эти хозяйские слова и шла, почти бежала в его комнату, в покорном восторге предвкушая его какой-нибудь новый каприз.

Ей стало стыдно от этих воспоминаний. Она коленками прижала крышку чемодана и застегнула молнию.

Наутро она дождалась, когда он уйдет на службу. Проследила в окно, как он садится в машину и выезжает со двора. Оделась и вышла.

Сразу ехать домой, к маме с папой, как-то не хотелось. Надо было отдышаться, хотя бы полдня. Позвонила Лильке, та как раз была на больничном. Приехала к ней.

– Ты чего? – спросила Лилька, увидев чемодан и рюкзак. – С ума сошла?

Марина всё ей выложила.

– Что? – Лилька даже глазами захлопала. – Врешь!

– Честно! – Марина заплакала. – Я тебе еще не все рассказала. Всё я вообще никому не расскажу...

– Врешь, – выдохнула Лилька. – Прости меня, конечно, но я с ним жила... Нет, нет, это давно было, давно, клянусь! – Она схватила Марину за руки. – Мы с тобой еще знакомы не были. *Это же слабак, тряпка! Слизняк, а не мужик!* Я его по морде била! Клянусь! Вякнет мимо – я ему тапочкой по губам, по губам! А он прощения просит. Я потому его и бросила – сил не стало терпеть его глазки виноватые, щенячьи... Слушай, а давай вечером поедem к нему и просто его изобьем? Вдвоем бить будем! Пока на колени не встанет!

Марина помотала головой и заплакала еще сильнее.

Если честно

позвони мне, позвони

Кате Толмачевой позвонила ее подруга Жанна Ляхович.

Жанна звонила редко и всегда по делу. А вот просто поболтать, узнать, как дела – это Катя ей сама звонила. Поэтому Катя не любила Жаннинных звонков. Вернее, так: ей, конечно, нравилось, когда Жанна ей звонила, потому что Жанна была круче ее во всех смыслах, от работы до семьи, от шмоток до рожи – надо же честно давать себе отчет! Катя всегда ставила в уме и в ежедневнике галочку – Жанна звонила. И всегда, если к месту было в разговоре с подругами, вспоминала: «Вчера с Жанкой болтали, ну, с Жанкой Ляхович, *жена Андрея Ляховича, ну, врубайся!* и она мне намекнула, только тсс! между нами!» Предмет гордости, если совсем честно. Но если уж совсем-пресовсем честно, то Катя сильно обижалась, что Жанна всегда звонит только по делу, и ни разу – поболтать.

Но в этот раз Катя обрадовалась.

Тем более что Жанна, закончив дело (дело было пустячное, чисто технический вопрос) – закончив дело, Жанна принялась что-то рассказывать про мужа и детей, про театр и кино, и у них пошла вполне приятная беседа.

Катя с телефоном в руке расхаживала по комнате.

Комната была чистой и пустоватой. Катя подошла к окну: десятый этаж, кругом новые дома, внизу магазин, через улицу парк. Всё кругом свежее, ясное, веселое.

Жанна продолжала медленно и подробно пересказывать фильм, который вчера смотрела. С именами героев и фамилиями актеров. У нее была невозможная память, даже завидно.

– Да, и тут еще вот какое дело, – сказала Катя, перебив ее.

– Что? – недовольно спросила Жанна.

– Прямо не знаю, как сказать...

И замолчала.

– Скажи прямо! Выкладывай как есть! – со смешком ответила Жанна, но, по голосу слышно, чуточку встревожилась. Испугалась, что сейчас Катя у нее что-то серьезное попросит? Или в самом деле беспокоится за подругу? – Ну, давай, давай, не томи!

– Я развелась, – сказала Катя.

– Что? – Жанна чуть не вскрикнула. – С Вадиком?

– Ну да, – засмеялась Катя. – С кем же еще?

– Вот так, на полном серьезе развелась? Со штампом?

– Ну да.

– погоди, – сказала Жанна. – Дай осмыслить. Никогда бы не подумала... Глупый вопрос, но все-таки: а почему? Чего вдруг?

– Так, – сказала Катя. – Время пришло.

– Давно?

– Две недели.

– Ого. Ну и что ты теперь, так сказать, планируешь?

– Планирую разогреть обед. Пять часов. *Сейчас муж придет с работы.*

– Кто?!

– Муж! Мы еще не расписались, но заявление уже подали. Я развелась, и мы сразу поехали в другой ЗАГС. Он меня в машине ждал.

Катя рассказывала про своего нового мужа, как они встретились, познакомились, влюбились, встречались, как оба разводились, как сняли вот эту, крошечную, но свою, самую первую свою квартиру...

Жанна расспрашивала, как мужа зовут и как фамилия, где он работает, не остались ли у него дети в прежнем браке, и какой он по характеру, и даже спросила, какого он роста и какие у него глаза, а потом засмеялась и сказала:

– Да что я, в самом деле! Приходите в гости. Вот в эту субботу. В семь. А?

Так мило, так тепло, так дружески сказала, что Катя простила ей, что она звонит очень редко и только по делу.

– Спасибо! Обязательно придем.

– Ну вот и хорошо, – сказала Жанна. – Я за тебя рада. Ты прости, но мне твой Вадик никогда не нравился. И Андрею тоже. Он его терпеть не мог. И все наши его едва выносили.

– А... А почему? – запнувшись, спросила Катя

– Какой-то он *затхлый*. Если в одно слово.

У Кати взмокла шея от стыда и досады. Она провела пальцем по затылку, от правого уха до левого. Облизала соленый палец и подумала, что нельзя быть такой обидчивой.

– А если в два слова? – тихо уточнила она.

– Робконький, зажатенький, но злобенький, – спокойно объяснила Жанна. – Все время спорит. К словам цепляется. Встревает в разговор, когда не спрашивают. Ноль без палочки, а лезет. Со своим особым мнением. Слава богу, ты его выперла.

«Значит, Жанна врала? Когда в прихожей весело кричала “О, привет, кто к нам пришел”? Когда чмокала Вадика в щеку? И Андрей, ее высоко взлетевший муж, он тоже врал, когда при встрече обнимал Вадика, за столом подливал ему вино, а потом, усевшись на диван перед столиком с коньяком, подолгу с ним беседовал о разных государственных материях? Зачем это лицемерие? А может быть, Жанна врет сейчас? – подумала Катя. – Поддержать меня хочет?»

Вдруг стало жалко Вадика. Почти до слез. Даже не его, а себя тогдашнюю. На секунду подумалось: эх, если бы! Но нет, не вернешь. Тем более что Жанна правду сказала, если уж совсем-пресовсем-рассовсем честно. Затхлый и злобный. Но очень любимый. Когда-то давно. Но забыть невозможно. Хотя уже пора.

Но что сказать в ответ?

«Сука ты лицемерная»? «Ты сто раз права»? «Спасибо за поддержку, но я в порядке, ай эм окей»?

Катя осторожно нажала отбой.

Ничего. Если Жанне нужно, пусть сама перезванивает.

27 сентября 2014 года

Три странных сна

приснились мне под утро.

1. Сестра Лиза.

Оказывается, у меня есть старшая сестра. Зовут Елизавета. Ей лет двадцать – потому что мне во сне лет шестнадцать, не более. Она высокая, стройная, ладная. Даже красивая – красотой 1960-х, когда были бардовские песни у костра, физики-лирики и все такое. Короткая стрижка – светло-русые волосы, высветленная челка, зеленые глаза, чуть курносый острый нос, конопушки на румяных обветренных щеках. Пышет здоровьем и силой, от нее пахнет женщиной – нет, не подмышками и не боже упаси чем, а исходит от нее особенный, ощутимый, тут же различаемый подростками нежный запах молодого созревшего тела.

Она злая, эта Лиза. Она кричит на нас с мамой. Говорит маме что-то обидное (не помню, что). Мама закрывает лицо ладонями, горестно качает головой. Мама кажется гораздо старше, чем была в то, приснившееся время – тогда, в середине 1960-х, ей было едва за сорок, а во сне ей как будто семьдесят или больше. Я люблю Лизой, как она громко и уверенно говорит, требует, наступает. У нее ситцевое в цветочек платье без рукавов. Когда она взмахивает рукой, я вижу ее темную подмышку и уголок топлено-молочного цвета груди, между подмышкой и краем бюстгалтера.

Но вдруг мне становится жалко маму, как она чуть не плачет, и я обнимаю маму и кричу Лизе: «Не смей маму обижать, ты, дрянь такая, сволочь, я тебе сейчас врежу! Заткнись!»

2. Пластиковая карточка.

В супермаркете на кассе даю карточку, кассирша ее сует в маленький терминал, я набираю пин-код, все в порядке, появляется надпись «вытащите карту» – я ее вытаскиваю, а она вся сломана, вся в трещинах, гнется и сыплется у меня в руке.

Жена говорит: «Ничего, главное, платеж прошел».

Я говорю: «Конечно, ничего! Пойду в банк, и мне ее заменят».

Ничего-то ничего, но всё равно обидно.

3. Да здравствует Сталин!

За окном шумят детские голоса. Различаю крики «Сталин! Сталин!». Просыпаюсь. Выглядываю.

Там во дворе целое детсадовское сборище – дети в шортиках, в красных пилотках, с бумажными цветами и с небольшими, как флажки, портретами Сталина на палочках. Кричат: «Слава великому Сталину».

Ну, думаю, ладно. Такой особый детский сад, бывает, у нас же свобода, в конце концов, – вот и сталинисты своим детишкам сталинский детсад оборудовали.

Я быстро одеваюсь и вдруг оказываюсь в банкетном зале.

Накрытый стол, бутылки-фрукты, хрустальная люстра. Вечерние платья, черные костюмы.

Это мой юбилей.

Люди – мужчины и женщины – поднимаются и произносят поздравительные тосты. Но всё время говорят не обо мне, а о Сталине. «Под руководством великого Сталина ваш талант рос и расцветал, и вы в своих сочинениях отражали образ вождя народов, руководствуясь принципами литературы, которые сформулировал великий Сталин», и все такое.

«Вот это да! – думаю. – Куда это я попал? Куда мы все попали? Дожили...»

Не математик

давным-давно мы нравились друг другу

Давно это было. Саша Авдеев тогда был женат еще на своей первой жене. Однажды он пришел в одну компанию, в гости к одной девушке (вернее, к женщине, молодой даме, потому что она как раз недавно вышла замуж). У него с ней раньше была некоторая симпатия – но безо всякого. Так – выразительно переглядывались, долго прощались, сильно и даже нежно пожимая руки, но и всё, честное слово.

Вот. Саша Авдеев пришел к ней в гости один, без жены (с женой они были в постоянной ссоре). Народу человек десять или около того. Выпили. Потом танцы. Она пригласила Сашу. Танцуют в обнимку, и она вдруг спрашивает:

- А зачем ты на Гурко женился?
- Влюбился и женился, – говорит Саша.
- Она же дура и сука, – говорит она. – Я ее лучше тебя знаю.
- Не надо. Зачем ты так?
- Извини.

Еще потанцевали, она к нему прижимается и говорит:

– А ты мне всегда нравился... Как странно всё. И я видела, что тебе нравлюсь. А вот так вышло. Бред какой-то. Ты мне и сейчас нравишься. А я тебе? Только честно. Без балды, типа я женат, ты замужем, не будем портить себе жизнь, базар-вокзал... Просто честно сказать можешь – нравлюсь, нет?

- Нравишься, – говорит он.
- Ты меня хочешь? Честно только говори!
- Хочу.
- Вот прямо сейчас? – прижимается еще сильнее.
- А что, можно? – Саша даже засмеялся.
- Конечно. Я сейчас всех повыгоняю, и мы с тобой останемся.
- А как же Михалыч? – спросил Саша.

Михалыч – это ее муж Миша Михайлов, он тут же, в углу комнаты сидит на диване и с кем-то болтает, коньяк пьет.

– Да ну его! Это моя квартира, понимаешь? Моя, ничья больше! (у нее отец был очень важный товарищ, и подарил ей шикарный старый кооператив, три комнаты, центр, до метро два шага, потолки три двадцать).

- Ты что?
- А то. Сейчас я их выгоню на хер, и мы с тобой останемся.

Подтанцовывают к столу, она берет ложку и как застучит в тарелку.

Все вздрогнули, перестали танцевать. Кто-то встал с дивана. Кто-то из кухни прибежал, стоит в дверях.

- Ребята, – кричит, – ребята!

Саша сильно дернул ее за руку, зашептал:

- С ума сошла! Перестань! Стоп!

– Ребята, – кричит она, – почему не все танцуют? А ну-ка, танцы-шманцы-обжиманцы! – оттолкнула Сашу, кого-то другого закрутила, руки ему на плечи...

Потом Саша Авдеев рассказал это одному своему пожилому знакомому. Профессору, кстати. Чтоб он помог понять – что всё это значит?

– Это значит, что ты не математик, – сказал тот. – Несмотря на диплом.

– Что-что? – Саша не понял.

– Математик – это человек, которому интересно. Ин-те-рес-но! Это для него самое главное. Ему просто очень интересно, как всё происходит. Сделаем ряд преобразований и посмотрим, что получится. Безо всяких «зачем», «почему» и «что потом делать».

– Нет, ну а правда, если бы она стала всех выгонять, это же дикий скандал! – Саша даже руками всплеснул. – Хорошо, допустим, все ушли. Ну, мы с ней потрахались, а что потом? Что наутро будет? У нее муж, у меня жена... Зачем все это надо?

– Вот я и говорю, – сказал профессор. – Ты не математик.

Потом Саша Авдеев с ней встречался пару раз, в гостях. Привет-привет, как дела, все отлично... Нет, не математик.

Послесловие

манипуляторам и их партнерам на заметку

Итак, женщина во время вечеринки в ее квартире говорит мужчине, что готова всех выгнать вон – и остаться с ним наедине, ибо давно влюблена в него. Мужчина в последний момент робеет. Просчитывает варианты. Отказывается.

Не орел! А она просто львица. Один-ноль в ее пользу.

А вот как он должен был отвечать:

– Не надо никого выгонять, – тихо говорит он. – Лучше давай отсюда сами удерем и поедем ко мне.

– К тебе? Куда? – удивлена она. – У тебя ведь жена дома!

– Есть местечко. Квартира друга. Пустая. Тут недалеко. В нашем полном распоряжении. Давай, я выйду к лифту, а ты быстро одевайся и выскальзывай тихонько...

И посмотреть, как она себя поведет.

Если (0,1 %) она выйдет к нему, то в крайнем случае ключ от квартиры товарища может вдруг потеряться; ну, а если она ему все-таки нравится и он в самом деле готов на небольшое приключение, – то снять номер на ночь, поискать другого товарища, и вообще тысяча вариантов, включая, извините, лестничную площадку на верхнем этаже.

Если же (99,9 %) она обернет дело в шутку, то есть ясно станет, что тут типичный эмоциональный шантаж и игра в адреналин, – то надо вздохнуть и серьезно-печально сказать: «Эх. А я ведь тебе поверил... – и закончить шепотом: – Потому что я люблю тебя».

Серьезный романтик! А она обманщица. Один-ноль в его пользу.

Мораль:

Если начинается манипуляция (она же, как говорят в народе, разводка) надо тут же становиться в активную позицию.

«Сыграем в картишки?» – «Давай-ка, что ли, в шахматы сразимся».

«С тебя причитается в честь диплома!» – «Кстати, у тебя ведь сын родился (книга вышла, в новую квартиру переехал) – надо обмыть!»

«Одолжи сотню тысяч до января!» – «Слушай, такое дело, я тут сильно поцапался со своей благоверной, нельзя ли у тебя пожить месячишко?»

Журналистка Евгения Коробкова рассказывает: «Мне периодически пишут в “Фейсбуке” какие-то люди с просьбой пожертвовать сколько-то там денег на лечение больных детей. Я с радостью соглашаюсь и спрашиваю, можно ли я подъеду с деньгами и съемочной группой Первого канала для подготовки сюжета. Что удивительно, у просящих деньги мгновенно исчезает страничка в “Фейсбуке”!»

Париж

et dimitte nobis debita nostra

– Эх ты! А мы тебя маленького в Париж возили, на наши первые деньги! – сказала Мария Николаевна. – Могли бы с бабушкой оставить.

– В Париж? – растерялся Сережа. – Не помню... – И тут же снова вскинулся: – А причем тут Париж?

Мария Николаевна чуть не заплакала и посмотрела на мужа. Михаил Павлович покашлял, поглядел в окно и сказал: «Да, брат... Не ожидали, не ожидали».

А они правда возили сына в Париж. Ему тогда семь лет было – как раз летом перед школой, перед первым классом. Они только-только начали выправляться после жуткого безденежья и безработицы, только-только чуточку разбогатели, причем оба: Михаил Павлович стал удачно торговать итальянским текстилем, в особенности обойными тканями, а Марию Николаевну сестра школьной подруги взяла советницей вице-президента Московского Товарищеского Банка, была такая маленькая, но глубокая финансовая заводи с офисами в Люблино и Нассау; потом все прикрылось, но не в том дело.

А дело в том, что они с Мишей всё делали для сына. Особенно когда стало полегче с деньгами. Книжки-игрушки, секция-бассейн, английский с учительницей на дом, частную школу присмотрели. И вот когда собрались наконец исполнить свою мечту – они еще на третьем курсе, еще когда не поженились, загадывали – вдвоем в Париж! – Сережка заныл, что будет скучать. Бегал вокруг, дергал за рубашку: хочу в Париш-ш-ш... И они вдруг решили – а что? Надо быть европейцами! Надо быть современными людьми! Махнем втроем в Париж! Хоть сын еще совсем маленький – но пусть привыкает. Зато потом будет, этак небрежно, девчонкам – «да я еще в детстве по Парижу гулял!». А девчонки будут млеть от восторга.

Конечно, никакого Парижа они так и не увидели – если о том Париже говорить, о котором мечталось. Никаких вечерних кафе, ночных прогулок, никакой, извините, любви в номере под крышей, где из узкого оконца виден кусочек узорчатой стены соседней церкви... Потому что на диване спит, вздыхая во сне, семилетний мальчик. Деньги были, и они попробовали его хоть на пару дней отселить в отдельный номер, соседний, через стенку, но он такой вой поднял – перед французами стыдно. И никакого промедления с завтраком! В отеле завтрак с семи до десяти, но Сережка просыпался в половине седьмого, чтобы первым ворваться в буфет. А на улице начиналось: «Пойдем туда!» – ладно, пойдем, пойдем. «Нет, вот туда!» – хорошо, давай вот туда. «Хочу пить, хочу конфету, булочку, игрушку, книжку, посидеть на лавочке, покататься на кораблике...» Хочу пить – по всем правилам: во время завтрака не уговоришь допить чашку чаю. Но только вышли из гостиницы, прошли сто метров – «Хочу пить!». И беги, папочка, в киоск, покупай бутылочку пепси за три евро. Насчет пописать – то же самое. В номере перед выходом: «Сыночка, пописай на дорожку, ты же с утра не писал» – «Не хочу!» – «Ну, попробуй» – «Не хочу-у-у!!!» – «Ведь захочешь на прогулке». – «Мамочка, я честное-честное-пречестное слово не захочу!» Ну и конечно, только сели в автобус – тут же драматическим шепотом: «Мамочка! Я очень хочу писать!» И беги, мамочка, ищи туалет или «Макдоналдс». Страшное дело. Но все равно приятно: сына в Париж свозили. Все-таки мальчишка увидел Эйфелеву башню, Триумфальную арку, и Нотр-Дам, и хрустальную пирамиду Лувра. Гордились.

Но дело не в том.

А в том дело, что Сережа сначала долго выбирал, на кого учиться. Выбрал мединститут. «Медицина – святое ремесло. Нет ничего выше, чем исцелять страждущих. Да и чисто практически, – пространно рассуждал Сережа, – врач никогда не пропадет. В любой кризис люди болеют и хотят вылечиться. В деревню сошлют – крестьяне будут доктору сало и хлеб носить. *Даже на зоне доктор – в законе!*» – повторял он эту странную поговорку. Хорошо. Согласились. Нанимали репетиторов, искали ходы-выходы.

Поступил. Учился вроде неплохо.

А с третьего курса вдруг решил уходить.

Куда, зачем, почему? А никуда и ни зачем. «Поездить по миру, постараться понять себя...» Тьфу! «Может быть, стану художником, может быть, бизнесменом. А может, буддийским монахом». Издеваешься? «Это моя жизнь, вы понимаете, моя собственная, и она у меня одна!» У нас она тоже одна, и мы ее всю без остатка на тебя положили! «Спасибо, конечно... но простите, я вас не просил ее на меня класть». А репетиторов в мединститут просил? «Каждый человек имеет право на ошибку!» Значит, высокое призвание врача, про которое ты нам, технарям, всю голову продолбил, – это была ошибка? Зачем ты два с половиной года зря мучился, сдавая пять сессий, уже пять сессий, дурак! Биохимию! Анатомию и что-то там еще! «Ну, почему же зря? Вдруг я в самом деле в старости стану буддийским монахом-врачевателем? Ничего на свете не делается зря...» Нет, он правда над нами издевается! Неблагодарный. Мы всё для него. С семи лет по заграницам катали. *Всё лучшее – детям*, хи-хи-с. А он даже не помнит.

– Помню! – вдруг сказал Сережа. – Париж помню. Жарко было. Вы меня всюду за собой таскали, а я ужасно уставал и пить хотел.

По морозу босиком

die Traumdeutung

Вот такая история случилась со мной довольно давно в городе Вашингтоне, округ Колумбия, в конце октября.

Золотая осень, еще тепло, хотя не жарко, но время от времени резко меняется ветер, облака закрывают солнце, и идет короткий дождь.

Большое здание недалеко от *Union Station*.

Я пришел сниматься в какой-то телепередаче, в большой экспертной панели – нас рассадили за полукруглый стол, перед каждым – табличка с фамилией, бутылка минералки, стакан, блокнот, карандаш, микрофон с кнопкой.

Все, конечно, одеты по-вашингтонски формально – костюм, белая рубашка, галстук, наглаженные брюки, начищенные туфли.

Итак, садимся, стол спереди закрыт складчатой скатертью, и вдруг я вижу, что многие мои коллеги снимают туфли и ставят их рядышком. И сидят просто босиком. Я вижу, как старенький профессор нагибается, стаскивает носки и сует их в туфли, и сидит себе, растопырив свои шишковатые пальцы. А другие, вижу я, и вовсе были в туфлях на босу ногу.

Жарят лампы, съемка еще не началась, и я тоже, вместе со всеми, разуваясь и снимаю носки под столом. О, этот страх «быть не как все», который у меня, по воспитанию – типичного советского человека, в Америке только усилился...

Запись передачи прошла быстро и складно, яркий свет погас, операторы и осветители засуетились, передвигая камеры и лампы – и вдруг мой сосед, старенький подагрический профессор, ткнул меня в бок и показал рукою, что меня зовут.

Я вижу, какая-то пара – молодой парень, высокий и курчавый, и женщина лет сорока, с короткими, слегка взлохмаченными волосами – машут мне и громко кричат «*Mister Dragunsky! Mister Dragunsky!*».

Я быстро иду к ним, забыв надеть туфли.

Иду по мягкому и приятному ковровину. Потом по паркету. Потом по теплому мраморному полу. Здравствуемся, знакомимся. Женщина – сотрудница *Brookings Institution*. Парень – из *Washington Post*. Меня приглашают на конференцию, которая будет через неделю, и будет широко освещаться, и я могу заранее написать свои тезисы, и что-то в этом роде, я уже, по прошествии лет, позабыл.

За разговором мы вышли из этого здания и оказались на тротуаре. И вдруг задул ветер и пошел крупный холодный дождь.

А я – босиком!

Я говорю им: «Минутку!» Поворачиваюсь, быстро возвращаясь, пробегаю по холлу, вхожу в зал, где только что была съемка. А там уже другая съемка. Какие-то дети громко читают стихи, а мамы с папами хлопают в ладоши.

– Выйдите, вы мешаете! – тихо говорит мне администратор.

– Я тут забыл туфли! – шепчу я, показывая на свои босые ноги. – Туфли и носки!

– Вау! – шепчет он. – Ужас какой. Но всё уже унесли!

– Куда?

– Туда! – Он неопределенно показывает рукой в конец коридора.

Я бегу туда – там заперта дверь.

Что делать?!

Снова выхожу из здания – эти двое меня терпеливо ждут. Дождь меж тем идет все сильнее. Они стоят под зонтиками, дама в крепких осенних ботиночках, парень – в громадных кроссовках. Я им страшно завидую. Ноги начинают сильно мерзнуть.

– Глупая какая история, – говорю я. – Что делать, не знаю!

– У вас есть деньги? – спрашивает парень. – Я вас отвезу в магазин.

– Да, конечно! – говорю я. – Спасибо большое!

– Не надо в магазин, – говорит дама. – Мы доедем до *Old Executive Building*, это рядом с Белым Домом, вы знаете?

– Знаю, – говорю, – а зачем?

– Там есть склад старых вещей. Многие служащие держат на работе офисные туфли, галстуки и даже пиджаки. А когда увольняются – оставляют их. Брать с собой – плохая примета. Там куча всякого. Вы подберете себе отличные туфли. Нечего зря тратить деньги.

– Ну, нет! – говорит парень. – Надевать туфли того, кто уволен, вот где плохая примета! Станешь таким же лузером.

Они начинают спорить.

А дождь идет все сильнее, и ветер дует все злее.

Потому что ночью открылось окно, а я как раз высунул ноги из-под одеяла.

Но потом всё-таки встал, закрыл окно и снова заснул.

И поэтому дождь вдруг прекратился, ветер утих, снова стало солнечно и тепло, и асфальт прямо на глазах высох и согрелся.

Отступление и доказательство

душным питерским летом

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, одна пожилая дама, можно даже сказать – старушка, лет шестидесяти, с острыми глазками и маленьким острым носиком, с гладко приглаженными белобрысыми, мало поседевшими волосами, вышла из парадной дома на Средней Подъяческой, где она нанимала квартиру в четвертом этаже.

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, – всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы старушки.

Поминутно попадавшиеся, несмотря на буднее время, пьяные молодые люди, что-то неразборчиво, но громко друг другу бубнящие, шагающие вразвалку, вприпрыжку или в обнимку с нарумяненными девками, пьющие пиво из горлышка, одетые в нарочитые лохмотья кричащих цветов, – довершили отвратительный и грустный колорит картины.

Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах старушки.

Пройдя несколько кварталов вдоль Екатерининского канала, но немного не дойдя до Гороховой, она остановилась у стены большого, недавно оштукатуренного дома. Подошла к парадной, осмотрелась, сделала несколько шагов в сторону, развязала свой потертый матерчатый ридикюль, достала пачку листов бумаги, вытащила один, затем достала скляночку с клеем, умакнула туда свой искривленный мизинец с коротким нечистым ногтем, но украшенный, однако же, дорогим и изящным бриллиантовым перстнем, намазала клеем тыльную сторону бумажного листка и прилепила его к водосточной трубе.

Объявление, наклеенное ею, гласило:

«ДЕНЬГИ В КРЕДИТ ДЛЯ НЕИМУЩЕЙ МОЛОДЕЖИ,

ОСОБЛИВО ЖЕ ДЛЯ ГОСПОД СТУДЕНТОВ.

Быстро и под малый процент!

С залогом и без оно, зависимо от доверия!

Адрес: Средняя Подъяческая улица, 15. 1-я парадная направо, 4-й этаж. Первая дверь направо. Спросить Алену Ивановну».

Через три часа, вернувшись в свою квартиру, она была встречена своей сестрою, моложе ее лет на двадцать или двадцать пять, и на безмолвный вопрос ее ответила:

– Довольно отступать! Я им докажу!

Сказавши это, она встала на колени перед кроватью, вытащила укладку и почти в самом низу ее, под сложенными фуфайками, истлевшими мерлушками и пустыми рамочками от выброшенных портретов, нашла то, что искала – маленький, на темной деревянной ручке, столлярный топорик.

Спрятала его под подушкой, села в кресла у окна и принялась ждать.

Из набросков к роману «Сестры Безобразовы»

черновик эпизода

Трифиллов обиделся на художника Всемогущего – тот изобразил Магдалину в виде их общей знакомой Марфиньки Безобразовой, да еще с голой грудью с синяком от его, Трифиллова, поцелуя. Слева снаружи, ближе к подмышке; и выставил в Академии Художеств, а князь Вотраминов приобрел за тысячу рублей и повесил в своей бильярдной, как сказывал его дворецкий, с которым Трифиллов был в свойстве через Татьяну Карловну Демпель.

Трифиллов пошел на аукцион и не очень задорого купил этюд Всемогущего «Пионы на могиле Пушкина в день его рождения». Принес домой. Заказал раму. Потом вставил в раму и повесил на стену. Посмотрел, зарычал, сорвал со стены и долго топтал, приговаривая: «Вот тебе, вот тебе!» – сладостно сознавая, что это есть кощунство в отношении Пушкина, который тут вовсе ни при чем.

Истоптал, вырвал холст и бросил в голландскую печь.

Снизу пришел жилец Марфущенко и спросил, что за гром, от люстры стекляшка оторвалась. Трифиллов долго извинялся и подарил ему поломанную раму. «Ну, разве на растопку», – сказал Марфущенко и ушел.

А Трифиллов стал пальцем затирать дырку от гвоздя в стене и думать, что Всемогущий – даровитый артист, но подлец.

Конфеты Достоевского

Сбились мы. Что делать нам!

Вот конфеты, которые моей прабабушке, гимназистке, подарил Достоевский.

Конфеты, конечно, съели.

Но вот красивая жестяная коробочка, в которой лежали конфеты.

Коробочки больше нет. Прабабушкин сын взял эту коробочку, чтобы держать в ней табак, когда ушел на войну. На войне его убили и закопали вместе со всеми. Может, вместе с этой коробочкой тоже.

А вот буфет, в нем на полке когда-то стояла красивая жестяная коробочка из-под конфет, которые моей прабабушке подарил Достоевский.

Буфета больше нет, его сожгли в печке зимой, в войну. Но, кажется, не в ту, когда убили прабабушкиного сына, то есть моего дедушку. Кажется, это была другая война.

Но вот комната, где стоял буфет, на полке которого стояла коробочка из-под конфет.

Комнаты тоже нет, ее разгородили на три – на вроде бы гостиную, якобы спальню и маленький закуток, как бы прихожую. Потому что в коридоре держать пальто было опасно: украдут.

Зато осталась квартира, где была комната, в которой стоял буфет, а на полке была красивая жестяная коробочка из-под конфет, которые моей прабабушке подарил Достоевский, когда она была гимназисткой. Ей было двенадцать лет, кажется. Это было в восьмидесятом, вроде бы.

Потом эту квартиру забрали под какую-то контору. «Центр-Снаб-Сбыт-Торг», ах, разве запомнишь!

Но вот дом, в котором во втором этаже была эта квартира. В которой была большая комната, в два окна, с круглым столом, шесть стульев, диван и люстра с шарами, а между окнами стоял буфет, где на полке была коробочка из-под конфет, подаренных Достоевским. Кажется, в ней тоже держали конфеты.

Дом сгорел. На его месте построили летний кинотеатр.

Потом в него попала бомба. Несчастливое место!

Осталась улица, на которой стоял кинотеатр на месте дома, в котором была квартира, где была комната, где стоял буфет, в котором на полке, между фарфоровой сахарницей и серебряным молочником, стояла жестянка из-под конфет. Семейная реликвия. Достоевский подарил прабабушке-гимназистке. Прабабушкина мама почему-то не любила эту историю. Но прабабушкин папа велел, чтоб коробочку сохранили: все-таки Достоевский.

Бомбежки, однако, продолжались. Выбомбили почти полгорода. Поэтому после войны всё перепланировали. Город стал совершенно не похож на то, что было раньше.

Так что остался город, в котором когда-то была улица, на которой стоял летний кинотеатр на месте дома, в котором была квартира, ну и так далее.

Я устала повторять. Хотя если вспомнить, что по этому городу когда-то ходили гимназистки, и сам Достоевский заезжал сюда в гости к своему дальнему родственнику, и был литературный вечер, и моя прабабушка прочитала наизусть последнее письмо Вареньки Добролюбовой к Макару Девушкину... Если это вспомнить, становится немного легче.

Потом в городе закрыли трикотажную фабрику и завод «Электроагрегат», в их корпусах устроили торгово-развлекательные центры. Но просчитались, наверное – нечем торговать и некого развлекать.

Люди разъехались. В дома перестали подавать тепло и воду. Две зимы – и города больше нет: дома развалились, стоят, поблескивая битыми стеклами окон. Между ними растут лиловые свечи иван-чая.

Это очень красиво – луговое и травяное, совсем лиловое место, где был город, в котором была улица Кирова, на которой стояла летняя киношка «Авангард», на месте которой стоял дом – улица тогда была не Кирова, а Николаевская – или Павловская? – господи, да какая разница! – дом, в котором во втором этаже – поднявшись по лестнице, налево – была квартира, в которой была большая-пребольшая столовая, в которой стоял буфет с витыми колоннами и мраморной доской, и на полке, за застеклённой дверцей, стояла жестяная коробочка из-под конфет Достоевского.

А это я. Мне уже восемьдесят два.

То есть это, конечно, не я.

Это мое мертвое тело, его везут на каталке по длинному больничному коридору, он застелен линолеумом, стыки закрыты плоскими рейками, каталка чуть подскакивает, и болтается моя голова, которая еще сегодня утром помнила лиловые заросли иван-чая на месте города, где когда-то была улица, на которой стоял дом – дом, кстати, был трехэтажный, с одной парадной, на шесть квартир, прабабушкина была во втором этаже, левая, то есть номер три, но уже хватит, вот меня привезли, а вечером будут резать. Потрошить живот и пилить череп. Неужели они хотят там найти красивую жестяную коробочку из-под конфет, которую моей прабабушке Аглае Тимофеевне подарил Достоевский? Или не будут? Зачем нужно вскрывать старуху, которая умерла на восемьдесят третьем году жизни? Нет, и не надо, так даже лучше.

Жаль, что я не попробовала тех конфет.

Дорогой писатель Достоевский! Где моя конфета? Круглая, шоколадная, с марципановой начинкой, обсыпанная вафельной крошкой...

Спасибо. Боже, как вкусно. Простите, но я так и не дочитала ваш роман «Бесы».

О наших и ваших слезинках

Достоевский в подробностях

Опять стали повторять: ни одна идея не стоит человеческой жизни.

Вроде бы всё верно. Но мне в этих гуманных и благородных словах слышится подловатая недоговоренность.

Почему подловатая?

Потому что произносящий эту фразу молча подразумевает: «Ни одна ВАША идея не стоит человеческой жизни, ничьей – ни вашей, ни тем более нашей. А вот если речь идет о НАШЕЙ идее, то мы за нее положим сколько хочешь наших жизней, а о ваших жизнях и говорить нечего – в пыль сотрем и сверху наплюем».

То есть ваша независимость, устройство вашей жизни по вашим меркам – это чушь, которая никак не стоит пролития ничьей крови. А если вы ее проливаете за это – вы гнусные садисты и маньяки.

Но наша независимость, устройство нашей жизни по нашим меркам – это высшая ценность, за которую не жалко уничтожить массу людей. И если мы за это проливаем кровь, свою и чужую, то мы – борцы за правое дело.

Почему я уверен в таком молчаливом предположении?

Потому что, если бы говорящий «ни одна идея не стоит человеческой жизни» на самом деле бы так считал и не делил бы идеи и жизни на «наши» и «не наши» – он бы не искал негодяев за порогом своего дома, а первым делом проклял бы убийц 1918–1938 годов, для начала. Вот уж, когда сотнями тысяч убивали людей не на войне, а за чистую идею: за крестьянскую коммунию, за чистоту марксизма-ленинизма от троцкистов и бухаринцев. Но гуманисты, озабочившиеся капелькой крови и особенно слезинкой ребенка, говорят: «Ну, это время такое было, и вообще не нам их судить».

То есть наших судить некому, да и нельзя.

А ваших – нам судить, нам!

Что касается «слезинки ребенка» – о ней говорил Иван Карамазов (часть вторая, книга пятая, глава IV, «Бунт»). О том, что мировая гармония не может стоять на слезинке замученного (в книге – посаженного в темный карцер) ребенка. И поэтому Иван далее «возвращает билет», то есть объявляет о своем неверии в Бога.

То есть пункт номер один: тезис о слезинке ребенка вызывает отрицание Бога (так как Бог таких слезинок допускает просто океаны).

Пункт номер два. Святой Алеша Карамазов после рассказа о помещике, который затравил крестьянского мальчика собаками, восклицает «Расстрелять!» (негодяя-помещика), что вызывает восторг у Ивана. Но не надо быть крупным диалектиком, чтобы понять – расстрел помещика до слез огорчит его деточек. То есть мировая гармония (убить изверга) будет опять стоять на «слезинке ребенка».

И наконец. Это всё герои Достоевского говорят, а Достоевский, как учил Бахтин, «полифоничен», то есть герои сами за себя высказываются, а не от имени автора. Хорошо! Но что же сам автор?

А вот сам автор не раз высказывался за войну – и в Туркестане, и особенно чтоб воздвигнуть крест над Святой Софией и заодно захватить проливы. Царю писал об этом! Ну, не мог же он не понимать, что детские слезинки в Стамбуле просто из берегов выйдут!

Но это, очевидно, их слезинки. Басурманские.

Так что, дорогие мои друзья, я бы вам не советовал без толка и разбора использовать цитату про «слезинку ребенка», по своей бессмысленной пошлости сравнимую разве что с «мы в ответе за тех, кого приручили».

Вся правда о войне и мире

на земле весь род людской

Один человек рассказывает в своих воспоминаниях, как во время войны в полевых госпиталях бойцы насиловали санитарок, молоденьких безответных девчонок.

Другой пишет про то, как командир возил с собой фортепьяно и корову для своей походно-полковой жены, и красноармейцы доили корову, и посмей кто спереть хоть стаканчик молока.

Третий – про воровство, бестолковость, жадность, ложь. И так далее.

«Вот, – говорят эти люди. – Вот вам вся правда о войне!»

Нет, конечно, это не так.

Но не в том смысле, что это выдумки. Наверное, всё это было. Может, было что-то и похуже.

Но это правда не о войне. Правда о войне – это о войсковых операциях и обо всем, что с этим прямо или косвенно связано.

А это – правда о жизни.

В жизни много насилия, жестокой похоти, бесстыдства, алчности. Но кто сказал, что в роковую годину войны все эти человеческие свойства должны отвалиться, как короста? Кто сказал, что грубые, злые, вороватые, туповатые и похотливые люди в один миг превратятся в чистых, благородных и бескорыстных рыцарей?

Да нет, конечно.

Наверное, в бараках и палаточных городках великихстроек социализма тоже насиловали девчонок, начальство наглело, а мелкота воровала.

И безо всякого социализма, в фабричных слободках, делалось то же самое.

И не только в России, разумеется. Везде так бывало.

Война тут ни при чем. Другое дело, что на фоне войны всё это смотрится еще гаже, чем в декорациях мирного времени.

Но тут уж ничего не поделаешь.

Мыслепреступление

клиника осажденной крепости

Известную переводчицу Татьяну Гнедич арестовали в начале 1945 года. Она сама на себя донесла. В чем же она созналась? Оказывается, по просьбе британского дипломата она перевела поэму Веры Инбер «Пулковский меридиан» на английский, причем стихами, для публикации в Лондоне. Дипломат сказал: «Вот бы вам поработать у нас, как много вы могли бы сделать для русско-британских культурных связей!»

Напомню, что СССР и Великобритания были союзниками.

Идея поездки в Англию застряла у Татьяны Гнедич в голове – и она сочла эту мысль предательской. И заявила сама на себя.

То есть *созналась в мыслепреступлении*.

Ее осудили на 10 лет ИТЛ (измена родине, неосуществленное намерение)¹.

Однако гримасы жизни не кончаются с отменой выездных виз.

Вот какая-то петербурженка написала в *gazeta.ru* про «девять причин, по которым она уезжает из России».

И народ активно обсуждает. Почти две тысячи комментариев. Всплывает тема *предательства и измены*.

Побойтесь Бога, друзья. Предательство (измена родине) – это переход на сторону врага во время войны или шпионаж в пользу иностранного государства. И всё.

Переезд в другую страну ничего общего с предательством не имеет.

Это как надо было изнасиловать людям мозги идеей «осажденной крепости», что даже современная молодая женщина считает свой отъезд за границу на ПМЖ чем-то нехорошим, непорядочным. Поступком, который нуждается в объяснениях и оправданиях.

Какой-то наследственный бред.

Так и вижу женщину, вбегающую в кабинет особиста:

– Арестуйте меня, я захотела съездить в Англию...

¹ Источник: «Новая Газета», 24.08.2011. Е. Эткинд, «Добровольный крест», мемуарная записка 1955 года

Грустные мысли грустного человека

«cost/effect

Ну вот, – думает некий молодой образованный литератор, – вот я гляжу и вижу: что там, что здесь – одно и то же. И справа, и слева, и среди либералов-прогрессистов, и среди охранителей-реакционеров, и в проправительственном лагере, и в оппозиционном – всё одинаково».

Все, ну почти все, на 99 % – самоуверенные недоучки, все – надутые самовлюбленные нарциссы, все – руками и ногами держатся за теплое местечко... Все – интриганы и кумовья, все – больше всего на свете обожают деньги и стремятся побольше заработать, а если неопасно, то и украсть, распилить, получить откат, учредить дочернее предприятие и качать через него деньги. И при этом сколько амбиций, сколько восторгов по поводу себя и сколько деятельной ненависти к врагу, которым чаще всего оказывается не человек из противоположного лагеря, а соратник, вдруг ставший конкурентом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.